
От редакции. Мы публикуем заметки нашего известного философа, академика Абду-салама Абдулкеримовича Гусейнова. Недавно мы поздравляли его с юбилеем – 70-летием со дня рождения (см. “Вопросы философии”, № 8 за этот год). Публикуемый текст – свидетельство творческой энергии, которой мы пожелали автору в нашем поздравлении.

Философские заметки

А. Л. ГУСЕЙНОВ

Предлагаемые суждения совершенно не претендуют на остроумие, афористичность, назидательность. В них нет также систематичности, изначального замысла. Они возникали непроизвольно, по случаю (при чтении текстов, прослушивании докладов, в часы досуга) и записывались на полях конспектов, в рабочих блокнотах. Вынося их на суд читателя, я вполне сознаю их предварительный характер и рассчитываю только на то, что, может быть, они, возникшие по ассоциации или в противовес чьим-то утверждениям, сами в свою очередь дадут толчок новым размышлениям. К сожалению, я не смог точно восстановить хронологию или найти какой-то другой формальный принцип организации этих мыслей и поэтому условно распределил их по следующим четырем рубрикам: философия, этика, мораль, мораль и политика.

I

Если свобода есть свойство разума (“познанная необходимость”), тогда зло – ошибка. Если же она свойство воли (“свобода воли”), тогда зло – природный дефект. И в том и в другом случае свобода не только не является основанием нравственности, она исключает ее. Реализованная в качестве познанной необходимости свобода выступает в качестве действия (адекватного, совершенного), но никак не нравственного поступка (ибо зачем нужен нравственно ответственный поступок, где все заранее просчитано и нет риска). Реализованная в качестве свободной воли свобода становится произволом, оборачивается внешними актами, которые могут быть чем угодно, но только не нравственными поступками, ибо их нельзя вменить в вину. Только единство разума и воли в качестве разумной воли позволяет понять свободу как категорию человеческого бытия.

Истина и ценности. Различие между “есть” и “не есть” фиксируется в качестве истины и заблуждения только тогда, когда первое мы воспринимаем как “да” (позитивность действия, добро), признаем в качестве того, к чему надо стремиться, а второе обозначаем как “нет” (негативность действия, зло) – то, чего надо избегать. Через различие добра и зла говорит само бытие, отчлененное от небытия (с его “есть-истиной”, противостоящей “не есть-заблуждению”), вернее сказать: через него человек укрепляется в бытии, берет на себя ответственность за бытие, бытийствует.

Ф. Бэкон говорит о “всеобщих инстанциях” в реальности. Великая мысль, и очень важно в этике считаться с нею, хотя именно в ней это最难е всего сделать. Ведь этика исходит из принципиального равенства (одинаковости) людей в их моральном достоинстве, отрицая тем самым наличие среди них “всеобщей инстанции” (по крайней мере, по этому критерию). Поэтому необходимо моральное равенство понимать только как условие, предпосылку, для того чтобы увидеть (и культивировать) реальное неравенство индивидов (по всем остальным критериям за исключением того единственного). Именно такое понимание морального равенства заложено в идее негативной этики, которая связывает абсолютность моральных притязаний с несколькими универсальными запретами (прежде всего “не убий” и “не лги”), а тем самым и ограничивает ими.

“Нет одной истины для эллина и иудея”. Если не признать одну истину, то не будет ни эллипа, ни иудея. Но если эллин и иудей не будут считать каждый свою истину единственной, то они не будут один иудеем, а другой эллином.

Истина, добро, красота – три луча, которые расходятся от одного источника. Они представляют собой три способа выражения (существования) одного и того же. Истина, которая говорит о том, что есть, и о том, чего нет, что его нет, обозначает границу между жизнью и не-жизнью. Добро с его фундаментальным запретом на насилие, на не-жизнь обозначает жизнь как единственный предмет человеческой активности. Красота – тяга к жизни как к прекрасному и отвращение от не-жизни. Философское определение точки схождения и единой основы истины, добра и красоты было дано еще Парменидом в его знаменитой тавтологии: бытие есть, не-бытия нет. Истина – знание бытия. Добро – утверждение бытия. Красота – тяга к бытию.

Ницше не просто жил и мыслил. Он жил мыслью. Мысль приобрела для него не только эмоциональный, но почти физический смысл. Это не то, чем он занимался с 5 до 9 утра как Кант, а то, что он делал всегда, когда бодрствовал. Он пишет так, чтобы его мысль нельзя было оторвать от него самого. Поэтому его нельзя цитировать. На любую цитату из Ницше найдется противоцитата. Он мыслит так, как может мыслить только он: мысль сугубо индивидуальна, как и переживание, как и отпечаток пальцев. Не связана ли, например, идея Ницше о вечном возвращении с его периодически повторявшимися приступами боли и со скитальческим образом жизни, в ходе которого он постоянно кружил по одним и тем же местам?!

Я стремлюсь к лучшему для себя, хочу стать добродетельным. Но для этого я должен знать, в чем это лучшее для меня состоит, что есть добродетель. Я хочу знать, как устроен мир, но я при этом хочу в своем познании дойти до такой истины мира, которая будет наилучшей для меня и в стремлении к которой будет заключаться добродетель. Добро и истина суть одно и то же. Один и тот же путь, на который можно ступить с двух разных сторон.

Люди и боги: как складывались их отношения. Языческие (гомеровские) боги направляли все поступки героев и замыкали на Олимпе все, что затем случалось на “земле”. Бог мировых религий дал человеку свободу, допустив его до древа познания добра и зла, сохранив за собой право экстренного вмешательства. Безбожие Нового времени можно понять как самоаннигиляцию Бога и возвышение человека до его уровня.

Зачем человеку дано знать о своей смертности, конечности? Может быть, для того, чтобы он не терял времени даром? Вряд ли. Скорее, для того чтобы он не связывал свои усилия с конечным, ибо они будут неизбежно тщетными. И чтобы нашел свой путь к бес-

конечности. Чтобы он увидел различие между бесконечностью натурального ряда чисел и бесконечностью совершенства, полноты. Его точно обозначил Эпикур, сказав, что один день блаженного ничем не отличается от тысячи дней.

Свойственное человеку как разумному существу идеальное удвоение мира не может рассматриваться в качестве приспособительного (адаптивного) механизма. Ведь другие живые существа прекрасно вписались в мир и без этого, в рамках инстинктивно-рас-судочного поведения. Смыл такого удвоения скорее в том, чтобы подняться над миром, оторваться от него, заглянуть за его пределы, чтобы задать иную детерминацию собственной деятельности, чем та, которая определяет бренность его существования. Кант прав: если бы не добрая воля, то вообще было бы непонятно, для чего человеку нужен разум.

Кто выбирает: разум или воля? Поскольку речь идет о выборе между желаниями – разум. Поскольку речь идет о добре и зле – воля: ведь только этот выбор и есть выбор в собственном смысле слова, т.е. выбор без основания – чистый выбор. Нравственный выбор имеет место там и в той мере, в какой его нельзя просчитать. Это зрячий выбор с закрытыми глазами. Разве может кто-нибудь сказать, почему Адам и Ева поступили так, как они поступили?

К.А. Свасьян назвал грехопадение грекопадением. Какой замечательный пример умного остроумия.

Научное обоснование морали. Очень странная постановка вопроса, поскольку речь идет именно об основании, а не описании, объяснении. В ней не больше смысла, чем в утверждении о моральной оправданности истины. Однако истина, для того чтобы быть истиной, не нуждается в моральной санкции. Точно так же и мораль, чтобы быть моралью, не нуждается в научном обосновании.

Философия – ничейная земля между наукой и религией (теологией?). Ничейная не в том смысле, что там оказываются те, кто не нашел места в науке и религии (для таких существует много чего и помимо философии), а в том смысле, что в нее можно попасть (упасть, провалиться) с обеих сторон. Первое, что делают неудавшиеся ученые и впавшие в ересь богословы – они начинают философствовать. Сама же по себе философия, если смотреть на нее сквозь призму науки или религии, в качестве расположенной между ними и не принадлежащей ни одной из них территории, является непроницаемой зоной (“черной дырой”). Ее нельзя освоить ни средствами науки, т.е. познать, ни средствами религии, т.е. вымолити.

Конец истории. В этой философской сомнительной формуле есть один любопытный, едва ли замечаемый самим его автором аспект. Если нет истории, то значит и нельзя ссыльаться на историю, выступать от ее имени, оправдывать свои действия историческими целями. На первый план выходят индивидуально-ответственные действия. Конец “истории” может обернуться началом этики.

О высшей конечной цели – будь то счастье обычных людей или мудрость философов – ничего определенного, точного сказать нельзя. И тем не менее неверно думать, будто у людей нет знания о ней, ибо они тянутся к ней, нисколько не сомневаясь в ее благой сущности. Это – тоже знание, только особого рода. Знание недоказанное и недоказуемое. Оно впечатано в человека, выступает как его вера. Веро – не знание, которое может быть доказано в определенном рассуждении или эксперименте, а знание, которое доказывается всей жизнью. Знание принадлежит нам, а вера есть мы сами. Толстовское понимание веры как сознания жизни является, на мой взгляд, наиболее адекватным.

Умным человеком можно назвать того, кто видит умом, а умом видит тот, кто видит то, что пока или вообще нельзя увидеть глазами.

Сильным человеком можно назвать того, кто может поднимать тяжелые предметы и способы физическую боль.

Добрый человеком можно назвать того, кто не любит осуждать других и прощает врагов, имся желание и возможность отомстить им.

Прочитал в газете: молодая пара установила скрытую видеокамеру, чтобы тайно следить за няней своего ребенка в течение дня, когда сами они находятся на работе. Показательный случай. Нравственная культура во многом держалась и держится на различии между поведением человека на людях и наедине с собой. Технологические возможности в настоящее время достигли такого уровня, когда человеку трудно скрыться от чужих глаз, остаться наедине с собой. Пока еще он может уйти в себя – оставаться наедине с собой внутренне. Однако ничто не противоречит предположению, что со временем люди научатся “просвечивать” также и чужую душу. И что тогда? Достоевский говорил устами своего героя, что ему не нужны хрустальные дворцы, если нельзя показать дулю в кармане. До хрустальных дворцов далеко, а с дутей в кармане уже проблемы.

Похоже, человек овнешняется. Более того: становится плоским, лишается глубины. Возможно, мы оказались на развилке, в точке бифуркации, как сейчас говорят, из которой возможны разные выходы. Один – антропологическое возвышение человека, когда нормы человеческой стыдливости и порядочности (поведение на людях) станут органическими свойствами индивидов. Но не исключен (и пока что даже берет верх) другой вариант, когда эти нормы будут отброшены и люди деградируют в природное состояние (ведь животные ничего не скрывают друг от друга). И поведение людей станет “естественным”, к чему, начиная с Руссо, так тяготится западная культура.

Три природы человека: физическая – социокультурная – нравственная. Эта идея заложена уже в знаменитом мифе Платона из “Протагора”: когда Эпиметей раздавал природные способности, человек остался ни с чем, голый и беззащитный; тогда Прометей, исправляя ошибку своего близорукого брата, научил людей говорить, разводить огонь, делать орудия. Этого, однако, оказалось недостаточно, ибо люди не могли жить сообща, и тогда Зевс послал Гермеса, чтобы он ввел среди людейстыд и правду и наделил этими способностями их не выборочно, а поголовно, всех. Она, идея о трех природах человека, получила разработку в стоической философии: человек природен, поскольку имеет влечения; он социален, поскольку умеет удовлетворять их надлежащим образом; он нравствен, поскольку разумен высшей разумностью, в силу которой безразличен ко всему, кроме добродетели. Основное напряжение человеческого существования: как соотносятся эти три природы. Решающее значение имеет, куда направлена вторая (социокультурная) природа, являющаяся организующим центром всей структуры – на то, чтобы приземлить нравственную природу, или на то, чтобы возвысить природу физическую.

Три части античной философии: физика – логика – этика. И три ее стадии: натурфилософская – классическая – эллинистическая. Нет ли между ними некой внутренней соотнесенности? На первой стадии философы полагали, что человек становится добродетельным в качестве природного существа, на второй – в качестве гражданина полиса, на третьей – в качестве мудреца.

Принципы организации культуры. Западную можно уподобить фонтану (разные струи, вылетающие из одной точки); китайскую – рисовому полю (пространственное разделение сфер); мусульманскую – горам (иерархия уровней).

Что есть правда? Здесь три слова. За *что* скрыто недоумение по поводу силы, которая направляет человека в сторону неведомой конечной цели. *Правда* обозначает саму эту цель, с которой почему-то человек связан столь органично, что вне нее он чувствует себя незащищенным. *Есть* составляет центральное звено предложения, говорящее о том, что о правде, которая прочно держит человека в поле своего тяготения, он не знает ничего, кроме того, что она есть. Что же такое это *есть*? Что есть *есть*? Что есть *есть есть*? И так до бесконечности. Философы спасли людей, оборвав эту цепь положением: бытие есть, и добавив: быть и мыслить суть одно и то же. То, куда меня тянет, есть мысль, правильная мысль. Она, собственно, и есть мысль только тогда, когда она правильная – т.е. такая, которая тянет меня, не может не тянуть.

Когда ответа философов оказалось недостаточно, и они не смогли помыслить бытие так, чтобы это вдохновило кого-то еще, помимо них самих, когда люди отчаялись и вопрос этот стал звучать в безнадежно-пилатовской интонации, тогда появился Иисус, который сказал: Правда – это я.

“Физика, бояся метафизики”, – говорил Ньютон. Не только физики боятся философии. И студенты часто воспринимают ее как что-то павязанное. Надо стремиться к такой философии, которой люди не будут бояться. Этого, думаю, можно достичь, если делать философию не для других, не только для других, а для себя, прежде всего для себя. Если понимать ее не как истину саму по себе, а как мою (личностно-выраженную) истину. Все-таки философия – это и жизненная позиция, образ жизни, она такова, по крайней мере, в своем исходном замысле и конечных выводах. При таком понимании ее не должны бояться, не будут бояться.

Философия между наукой и религией. Она “научна” в подходе к предмету религии: понимает его как отрицание предмета науки, как ничто. Гегель переходит от “ничто” к “нечто”. На самом деле и в этом исходном пункте Гегеля надо переворачивать: ничто есть то, что остается, если выйти за пределы “нечто”. И единственное, что философ может сказать о “ничто”, заключается в том, что оно не есть “нечто”. Тем самым философия утверждает науку, научный взгляд на мир, она делает это каждый раз, когда показывает, что “нечто” (о чём бы речь ни шла) не есть “ничто”. Она не отрицает “ничто”, она только говорит, что оно не есть “нечто”, что оно находится по ту сторону, которая непроницаема для средств науки.

Философия “религиозна” в подходе к предмету науки. Она рассматривает его в его связности с “ничто”, стремясь увидеть, как оно (“ничто”) все-таки может быть обнаружено в “нечто”. Философию физика интересует в той мере, в какой она необходима, для того чтобы могла состояться метафизика.

Смотреть на потусторонний мир посюсторонним взглядом, чтобы постоянно подтверждать, что ничего там посюсторонним взглядом увидеть невозможно. Смотреть на посюсторонний мир посюсторонним взглядом, чтобы исследовать в нем знаки последнего, развенчивать их и искать новые, держа постоянно в поле своего зрения проблему сверхмировых целей мира.

Когда люди говорят об абсолютном (истине, морали, боге), они преисполняются какой-то непопятной и непроницаемой уверенностью, в силу которой им кажется, что их утверждения обладают абсолютной истинностью именно по той причине, что они говорят об абсолютной истине.

Абсолютная мораль сродни абсолютной истине: как последняя есть сумма относительных истин, так и первая существует только в многообразии относительных моральных норм. Люди, которые пытаются найти абсолютное в конкретных нормах, не понимают, что они тем самым отрицают его – это все равно как человек доказывал бы существование бога, утверждая, что он видел его. Это, конечно, не значит, что идея абсолютной морали является пустой фикцией. Она необходима хотя бы для того, чтобы сознавать относительность всех реальных форм, в которых мораль бытует, и чтобы не была объявлена абсолютной ни одна из них.

Конечно, мораль есть форма практического сознания и она, в отличие от гносеологии, не может мыслить абсолютное только в качестве теоретического постулата. Она должна найти ему место в мире поступков. Тут то и начинается парадоксальность морали – необходимо найти абсолютные поступки, которые сами по себе невозможны. Отсюда – негативная этика, которая связывает морально абсолютный поступок с следованием запрету, с тем, что человек что-то не делает, то есть с негативным поступком. Следовательно, абсолютно моральный поступок существует как то, что не существует – то, что мною не совершено в силу одного лишь запрета.

II

Кто имеет право говорить (выступать) от имени морали? Существуют ли люди, которые обладают для этого необходимой компетенцией? До настоящего времени человечество таких не нашло, хотя было (и остается) немало тех, кто берет на себя эту роль. Все они оказываются самозванцами. В этом отношении интересна эволюция русской литературы. Л.Н.Толстой: у него существуют положительные герои (П. Безухов) и отрицательные герои (А. Курагин), а еще сам автор, который говорит нам о том, что один является положительным, а другой отрицательным. Ф.М. Достоевский: его герои тоже распределяются по полюсам добра (Алеша Карамазов) и зла (Смердяков), хотя и не так строго, как у Толстого, но у него нет автора, нет обозначенной точки этического суждения. Венедикт Ерофеев и А.А. Зиновьев: здесь добро и зло соединены таким образом, что одно переходит в другое и представлено в каждом герое; по крайней мере, их героев невозможно различить по этому критерию. Не скрыта ли за этой тенденцией та мысль, что право этического суждения и морального суда делегируется на индивидуальный уровень.

Аристотель говорит, что рассудительность похожа на чувство в математике, в силу которого треугольник считается последним в процедуре ограничения плоскости ломаной линией. А рассудительность, по Аристотелю, – это инстанция правильных этических суждений. То, что мы назвали бы моральным разумом. Не означает ли это, что моральное знание есть интеллектуальное чувство, такое интеллектуальное чувство, которое представляет собой последнее (границу, предел) разумной реальности?

Сократ закрыл дорогу познанию, поставив знание в зависимость от добродетели. Платон снял заклятие, выделив сословие мудрецов. Он разделил людей на тех, кто знает и не знает.

Сократ был прав, говоря, что знать добродетель и быть добродетельным суть одно и то же. В самом деле, если человек не является добродетельным, то как можно узнать (удостовериться), что он действительно знает, что это такое?

Счастье нельзя воспроизвести, технологизировать, инструментализировать, взять под контроль. Его нельзя рассчитать и методически выстроить. В понимании счастья нельзя обойтись без постулата судьбы. Поэтому оно не нашло места в этике Нового времени. Во всяком случае, в эту эпоху счастье было согнано с этического трона, который оно занимало в античности и средние века. Один из аргументов Канта против этики эвдемонизма состоял в том, что человек не может взять на себя ответственность за счастье. Отсюда – его разделение понятий счастья и достоинства быть счастливым.

Безусловность долга предполагает, что он распространяется также на желания (не только “не прелюбодействуй”, но и “не пожелай жены ближнего твоего”). Но перед желаниями долг бессилен, он теряет свою безусловность, на что обратил внимание Дж. Мур, предложив различать правила долга и идеальные правила. А не может ли быть так, что специфика морали не связана с безусловным долгом? И вообще не связана с долгом?

Ален Бадью: “Зло является возможностью, которая открывается только при встрече с добром”. Относительно встречи добра со злом вполне точно. Только, похоже, порядок здесь другой. Добро представляет собой возможность, которая открывается тогда, когда мы не делаем зла. Оно (добро) является собой деятельность в пространстве, которое ограждено моральными запретами.

Моральным является только такое решение, про которое человек может сказать: это Я решил. У которого нет никакого иного основания, кроме этого Я. Когда же я хочу есть, пить, защитить диссертацию и т.д., во всех этих случаях действую не я сам, а через меня пробиваются некие законы, нормы и т.д. В первом случае Я – начало причинного рода, во втором случае – звено в причинной цепи.

Ты должен!
Я хочу!

Можно ли хотение вменить в долг? Кажется, это делали философы гедонистической школы Аристиппа. А хотеть должно? Над этим бился Кант, выделяя и формируя в человеке особое чувство уважения к нравственному закону.

Адиафора стоиков: все жизненные ценности (здоровье, болезнь, богатство, нищета, успех, слава и т.д.) выносятся в этически нейтральную зону. Они относятся к нравственности так же, как кости к игре: мы играем с помощью костей, но не ради них. Хорошо, если кости выпадут удачно. Но с точки зрения игры нет ничего плохого, если они лягут иначе, даже наихудшим образом. Игра включает в себя и такой вариант. Более того, она только потому и возможна, что допускаются разные варианты. Без их равноправного принятия игра была бы не игрой, а чем-то другим – бизнесом, жульничеством и т.д. (чем, кстати заметить, в значительной степени и стали игры в наши дни).

Понимание морали как **практического разума** – общий знаменатель европейской философской этики. Под это определение подходит даже Спиноза. Практический разум – не то, в какой мере практика подвержена воздействию разума, и не то, в какой мере разум может найти внешнее воплощение. Как человеческая практика может быть разумной или как разум может обрести действенность в форме человеческой практики – вот о чем идет речь. Через понятие практического разума мораль отождествляется с человеческой жизнедеятельностью в ее специфически человеческом (разумном, человечном) и по-человечески совершенном выражении. Отсюда – и определение этики как практической философии.

Противоречивость понятия практического разума: 1) практика всегда индивидуализирована, поступки – единичны и даже единственны (Бахтиз), разум – генерализующее обобщающее начало, он может схватить лишь принцип поступка, общее правило; 2) практика связывает индивида с миром, выражает зависимость от мира, необходимость активно вписаться в него, она вещественна, протекает в конкретном времени и пространстве, разум – источник и выражение автономности индивида, его независимости от мира (по крайней мере, от его особого, индивидуального мира), мыслящий индивид растворяется в мысли, совпадает с ней, в ней обретает свою субъектность. Из этих противоречий возникают фундаментальные проблемы морали и этики: как сочетаются 1) счастье и добродетель и 2) конкретность (“произвольность”) индивидуальных решений и общезначимость нравственного закона.

Кто есть Бог, может знать только Бог. Вопрос, кто есть этот конкретный человек (Х), получает ответ в его обращенности на самого себя. Это знание принципиально субъективно и единично. Кто есть Х, мог бы сказать сам Х. Но и он не может сделать этого. Ибо он не тождествен себе. Он – больше самого себя. Х, который говорит о том, что он собой представляет, уже другой Х, чем тот, о котором он говорит.

Категорический императив в свете негативной этики. Если человек нарушает некую норму, то это несомненно означает, что он не хочет видеть ее в качестве всесобщего закона. Нарушения, как и требования, тоже, по-видимому, бывают категорическими и гипотетическими. Категорически (очевидно и безусловно) может быть нарушен только запрет.

Мораль как ограничение деятельности касается не только ее универсальных принципов (например, запреты Декалога), но и ее особых форм: мужество – не быть трусом; дружба – никогда не предавать.

В. Гюго. “Торквемада”: “...день за днем от утренней зари к кончине мы идем”. И звери идут к ней “день за днем от утренней зари”. Кончина – естественная заданность жизни. И чтобы достичь этого конца, никакого разума не нужно; разве что только для того, чтобы ускорить его. Делать ее (кончину, смерть) предметом размышлений и целью – значит неправильно употребить разум. Конечной целью, организующей и направляющей жизнь, должно быть бессмертие. Смерть не находится в поле индивидуально-ответственного поведения человека и не может быть целью – о ней есть кому “позаботиться” и без нас. Целью может быть только бессмертие, так как без нас, нашего разума, наших идеальных порывов оно лишено вообще какого бы то ни было смысла.

Мораль не есть то, что мы должны делать как люди. Она есть то, благодаря чему мы суть люди и можем говорить о себе в первом лице.

Мораль не поддается расчленению по критерию истины / заблуждения не потому, что она слишком субъективна и не существует некой объективной данности, с которой она могла бы быть соотнесена. Напротив, она слишком объективна, представляет собой одно из самых глубинных измерений человеческого бытия. Истина – такое содержание утверждений, которое не зависит от того, кто делает эти утверждения. Здесь речь идет о соответствии сознания бытию. Про моральные утверждения никто не скажет, что они не зависят от того, кто их делает. Напротив, их добротность проверяется тем, в какой мере они обладают обязывающей силой по отношению к тому, кто их делает. Здесь речь идет о соответствии бытия сознанию.

Каким надо быть аморальным, чтобы говорить о морали?! Не относится ли это к нелишенное оснований суждение также к специалистам по этике? Отчасти относится, и не только в том смысле, в каком говорят, что хирург, оперирующий сердце, должен быть “бессердечным”. Скорее, в другом смысле, в каком можно сказать: каким надо быть безбожником, чтобы судить о боге и полагать, будто ты знаешь, что сказал бог. Ведь исследовать мораль – значит поставить ее под вопрос.

Л. Витгенштейн говорит, что о морали, как и о религии, надо молчать. Если человек говорит о том, о чем он должен молчать, значит, нельзя доверять тому, о чем он говорит – относится ли это к самому Витгенштейну? Ведь утверждая, что о морали надо молчать, он что-то о ней говорит.

Звездные образы морали.

Конфуций: добродетельное правление как полярная звезда, которая замерла на месте, а все другие кружат окрест нее.

Аристотель: справедливость подобна утренней и вечерней звезде.

Кант: звездное небо надо мной и правственный закон во мне.

III

Идея прогресса содержит в себе некую несправедливость по отношению к предшествующим поколениям. Она создаст иллюзию, будто мы лучше тех, кто жил раньше. Обращенность к прошлому (тоска по Золотому веку, потерянному раю) – нравственно более здоровая позиция.

Платон пишет в “Государстве”, что мы свои представления о справедливом и хорошем формируем еще в детском возрасте, заимствуя их у родителей. Моральные понятия мы заимствуем, а не вырабатываем. За ними всегда стоит сила авторитета (примера, образца). Во всяком случае, мы усваиваем их раньше, чем узнаем, что они такое.

Нравственное воспитание не локализуется во времени и пространстве. Его нельзя расчленить по привычным для воспитания критериям: учитель-ученик, цель-средство. Оно не существует в форме особой деятельности и в строгом смысле слова не является воспитанием.

Гуманизм открыл не просто человека. Он открыл его человечность. Здесь не хватает замечательной игры смыслов, которая есть в немецком слове “Menschheit”, означающем и человечность и человечество.

Чем более норма ориентирована на индивида, тем более она универсальна.

Мораль можно считать первой формой осознания историчности человека, поскольку она задает ему бесконечную перспективу совершенствования.

Логика этно-национального сознания: не всем повезло родиться такими, как мы. Отсюда гуманистическая этика может сделать вывод, что к представителям других национальностей следует относиться с акцентированным уважением и сочувствием, при-

близительно так же, как мы относимся к инвалидам, когда помогаем им переходить через улицу.

Сократ: мы ценим не жизнь, как таковую, но жизнь хорошую.

Швейцер: благоговение перед жизнью.

Всю историю европейского духа можно изобразить как обратное движение от хорошей жизни к жизни как таковой. Это может быть разумно понято и оправдано в том смысле, что человечество достигло такой монеты, когда жизнь, как таковая, может состояться только в качестве разумно организованной (хорошей) жизни. По-другому, жизнь становится естественной предпосылкой бытия человека в качестве результата его общественной деятельности.

Нравственно обязывающие и теплые отношения к близким являются постоянным фоном нашего повседневного общения с ними. Наряду с этим мы выделяем их дни рождения, особо и специально акцентируя свою уважительность к ним. В будничном общении наше добродетельное отношение скрыто. В дни рождения оно выступает на передний план. Также и мораль в качестве специфического признака человека, пронизывает все многообразие его сознательных деятельных проявлений. Вместе с тем в категорических запретах и общих требованиях быть моральным она выделена, зафиксирована в качестве особого предмета сознательных устремлений человека.

Если добродетель содержит свою награду в себе, то зачем в таком случае нужны разного рода премии, ордена, звания и т.д. Выходит – для порока.

Когда выбирают жену, обращают внимание на массу факторов: моральные и физические качества, происхождение, приданое и т.д. Все это, однако, несущественно, вторично. Решающим является одно: готовность и способность этой женщины быть женой и к тому же твоей женой. Это – как с ребенком. Нам хочется, чтобы он был красивый, одаренный, здоровый. Но мы принимаем его таким, каким он нам достается: и рыжим, и хромым, и каким угодно. Здесь существенно, исходно, необходимо и достаточно только то, что он – **твой**.

Говорят о таинстве брака, сопровождают вступление в него клятвой. И это не лишено смысла... Здесь и в самом деле заключено таинство. Факт брака становится первичным по отношению к персональным качествам и перипетиям судеб тех, кто вступает в него. Сегодня нами потеряна сама идея брака.

Николай Соломонович Мартышов, убийца Михаила Юрьевича Лермонтова – красивый, добродушный, веселый, честолюбивый, баловался литературой, давний и хороший знакомый Лермонтова. Уже спустя 28 лет после того трагического события, отвечая на вопрос об обстоятельствах дуэли, сказал так: “Злой рок судил мне быть орудием воли провидения в смерти Лермонтова, я же считаю себя не вправе вымолвить хотя бы единое слово в его осуждение” (“Независимая газета” от 31.07.01). Честные слова. Про то, что сделано, никогда нельзя исчерпывающе точно сказать, кто и почему это сделал. Точно и ответственно можно судить только о том, что не сделал.

Любовь как страсть стать другим. Не вообще другим (не птицей, не облаком), а другим в рамках и логике человеческого развития – тем другим, каким можно стать в качестве человека. Это значит подняться над собой, стать сверхчеловеком. Отсюда – связь с героическим этосом как страстью, направленной на то, чтобы обрести собственную идентичность в своей божественной половине. Отсюда – и христианское требование стать совершенным, как совершенен отец небесный. Да и в случае индивидуальной половой любви в основе лежит обогатование того, кого любишь. Без такого ослепления, которое на самом деле является, конечно, подлинным и счастливым озарением, любви не бывает.

Мораль находится в двойном конфликте с действительностью. Она: а) отрицает реальные нравы как несовершенные и б) предъявляет нормы, которым невозможно соответствовать.

Андрей Тарковский. Из дневника (“Континент 57”. С.176): “Нравственность – внутри человека. **Мораль** – вне и выдумана, как замена нравственности. Там, где нет нравственности – царит **мораль – нищая и ничтожная**. Там, где она есть – морали нечего делать”. Такое суждение является типичным для думающей части нашего общества. По-видимому, оно выражает какую-то глубинную черту русской ментальности. Возможно, это связано с тем, что опыт русской свободы был по преимуществу опытом внутренней свободы, который странным образом сосуществовал, даже мирно уживался, с внешним холопством. Что она, русская свобода, удовлетворялась приватными сферами (“кухни” шестидесятиков). Русская интеллигенция всячески культивировала опыт внутренней свободы (кстати, тот же Тарковский, оказавшись на Западе, заявил под конец жизни, что в Советском союзе он был более свободным человеком, чем там). В этом ряду находится, видимо, и попытка придать разный понятийный смысл словам “нравственность” и “мораль”.

Интересно, что наряду с русским языком национальный эквивалент латинского слова “мораль” появился еще в немецком языке (“Sittlichkeit”). Этого нет во французском, английском, испанском, итальянском языках. Немцы ведь тоже любят уходить вовнутрь, в интеллектуально-духовные глубины. Они тоже интересовались больше абсолютной идссеи, чем разделением властей.

Судьба, везенье. Кто будет спорить, они имеют в жизни индивида огромное значение. Говорят, что есть везучие и невезучие. Если бросить вверх монету, то действительно никто не знает, какой стороной она упадет: тут можно говорить о везенье. А если бросить ее тысячу раз, то число выпаданий на орла или решку будет одинаковым. Так и в жизни индивидов. Если речь идет об отдельных эпизодах или отрезках жизни, то, конечно, кому-то везет, а кому-то нет. Но если брать жизнь во всем многообразии событий и на достаточно длительном промежутке, то соотношение удач и неудач (“орлов” и “решек”), выпадающих на долю каждого, является приблизительно одинаковым. Люди отличаются в целом не тем, что одни везучи, удачливы, а другие невезучи, неудачливы. Они отличаются тем, как они относятся к удачам и неудачам. Одни могут воспользоваться благоприятным случаем (везением) и мобилизовать силы для того, чтобы перенести неудачу (невезенье), а другие – нет. Судьба слепа, но (а может быть как раз поэтому) справедлива (как, впрочем, и богиня правосудия). Отвергать ее так же глупо, как и винить.

Богословие, объявив божественное предопределение непостижимой тайной, исходило, видимо, не только из соображений формальной последовательности в рассуждении. Не менее важен был этический аспект. Это был фактически запрет на то, чтобы кто-то присваивал себе право делить людей на избранных и неизбранных. Правда, кальвилизм, и нарушая в этом случае логику, и переходя на сомнительную этическую позицию, считает, что способность верить в свою богоизбранность есть высшее проявление веры. Почему? А, может быть, наоборот, это ее закат? И высшее проявление веры (веры именно в абсолютного Бога) состоит в том, чтобы не считать себя избранным.

Мораль в общественной жизни – то же самое, что воздух в жизни биологической. Когда она есть, ее не замечают и не ценят. Когда ее нет, все связи рушатся, общество гибнет. И только тогда, в моменты распада, до людей доходит, что их человеческое существование возможно только в пространстве моральных ограничений.

Гесиод (“Труды и дни” 1, 40): “Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина...”. Какая лаконичная и точная формулировка! Аристотель, сказав, что справедливое по отношению к другому есть равенство, только повторил ее. И вся последующая политическая философия ничего лучше не придумала. Да и не могла. Это – истина, на которой только и может быть построена вся теория справедливости. А еще говорят, что в философии нет бесспорных утверждений!

IV

Общественные законы и деятельность людей: в такой формуле заложена опасность социальной фальши. Как отделить подчинение объективным законам истории от демагогических разглашений от имени истории? По-видимому, общественные законы, какими бы объективными они ни были, нельзя трактовать как детерминирующую основу деятельности людей. Они являются результатом их деятельности. Как будто бы незначительное уточнение: не основа деятельности, а результат. Но оно очень важно. При таком понимании сохраняют значимость нравственные координаты индивидуальной человеческой деятельности. Во всяком случае, уже нельзя нравственные преступления оправдывать ссылками на объективные законы, логику истории и т.п.

В основе тоталитаризма лежит представление о человеке как добром (по крайней мере, потенциально добром) существе. Он исходит из того, что людей портят среда, и ставит своей целью преобразовать ее таким образом, чтобы сами условия общественной жизни, их разумно продуманная организация позволяли людям адекватно обнаружить свою нравственную сущность. Демократия основана на представлении о человеке как существе, способном на зло. Она ограничивает свою цель тем, чтобы блокировать зло, общественно опасные деструкции человеческого поведения. Как заметил профессор из США Д.А. в беседе со мной, американская демократия держится на трех недовериях: недоверии граждан друг к другу, недоверию граждан к государству, недоверию разных ветвей власти друг к другу.

Человек, познавший общественные законы и сверяющий с ними свои слова и поступки – это что-то вроде экстрасенса или мага, который водит дружбу с невидимыми силами. Что чувствует человек, познавший общественные законы? Как он возможен? В нравственном плане такой человек может оказаться невыносимо самоуверенным. Чтобы такого не произошло и человек, познавший объективные законы общества, сохранял нравственно приемлемый облик, эти законы должны быть или сами по себе аморальными, грязными – и в этом случае человек не будет кичиться их знанием, или они должны иметь нравственную природу, заключающую в себе среди прочего также запрет на самодовольство.

Нельзя сводить мораль к политике, считая конкретную политику в форме классовой борьбы, либеральной демократии и т.д. критерием морали. Но нельзя также и политику сводить к морали, считая моральные критерии ее ограничивающим условием. Они – мораль и политика – связаны между собой как-то по-другому, более сложно. Может быть, по модели гегелевской узловой линии мер: как вода при нуле градусов превращается в лед, так и мораль при переходе от личности к обществу уступает место политике. При таком понимании можно мораль считать политикой индивидуального бытия, а политику – моралью государственно-коллективной жизни.

Антисемитизм в США и СССР: плохо, когда люди хуже, чем государство, и совсем отвратительно, когда государство хуже, чем люди.

Полис как иное качественное состояние, чем род. Принципиально иное. Иное в своих основаниях. Полис не заменяет род. Он оттесняет его в приватную сферу.

Для политической философии Нового времени показательны две маленькие книги: “Утопия” Томаса Мора и “Князь” Никколо Макиавелли. У Мора нет дистанции между бытием и долженствованием, так как он возвышает бытие до уровня долженствования. Он постулирует моральную политическую реальность в качестве осуществленной. У Макиавелли тоже нет этой дистанции, так как он низводит долженствование до уровня бытия, показывая, что политическая реальность может утвердить себя (быть успешной) только в качестве аморальной. Не были ли эти две крайности различными проекциями одного и того же процесса отчуждения человека от своего государства, которое осуществило западное христианство (“Богу – богово, кесарю – кесарево”)?

Витторио Хесле в огромной, более 1000 страниц монографии пишет (“Moral und Politik. München, 1997. S.192): “Даже тот, кто считает атомную бомбезку Хиросимы и Нагаса-

ки делом глубоко аморальным, не может осудить Лео Сциларда, что он подвиг Эйнштейна написать то знаменитое письмо Рузельту о необходимости создания бомбы". Всё-то он знает! Странное утверждение и по существу: разве в том дело, что кто-то может кого-то обвинить, осудить? Мораль не об этом. Да и фактически: разве не было и нет тех, кто обвиняют и того, и другого?!

Еще он говорит, что Горбачев ошибся, не подписав союзный договор в первой половине 1991 г., что Ш. Перес ошибся, назначив выборы на май 1996 г. (мол, надо было назначить или сразу после гибели Рабина или оттянуть немного дальше, чтобы успеть продвинуть мирный процесс...). Как может философ делать такие утверждения?! Какая у него для этого есть компетенция?! И почему ему не может прийти в голову, что если бы Горбачев и Перес поступили так, как он им сейчас задним числом советует, то все могло бы обернуться и для того и для другого еще худшими последствиями. Поистине: не надо писать толстых книг.

Насилие морально терпимо, когда оно внеперсонально. Потому ему и придают такой вид в государстве.

Среди изменников Родины бывает много тех, кто призывал любить ее. Это, конечно, не значит, что они изменили Родине, потому что клялись в патриотизме. И уж, конечно, не значит, что каждый, кто апеллирует к патриотизму, склонен к предательству. Но как отличить одно от другого – искренние слова о патриотизме от лицемерных? И всегда ли сам человек знает про себя, когда он правдив в своих моральных установках и когда фальшивит? Может быть, следовало бы вообще запретить кому бы то ни было выступать от имени патриотизма, родины. Будем ли мы менять любить Родину, если перестанем публично требовать этого друг от друга?

Место морали в политике там, где вопросы решаются голосованием, где принимаются решения, под которыми стоит персональная подпись. Ее нет там, где вопросы решаются компетентным суждением, в рамках инструкций, профессионализма бюрократической рутиной – во всех этих случаях мораль обнаруживается в том, что ее не принимают в сопротивление.

Когда говорят, что политика есть грязное дело, то это является негативным признаком приоритета морали перед политикой.

Моральные аргументы в оправдание насилия лишь сопровождают уже состоявшиеся решения прибегнуть к его помощи. Они – не более, чем хорошая мина при плохой игре. Интеллектуальные соображения в данном случае вторичны. Они лишь обслуживают способ действия, который вытекает из интересов. Совершенно иначе обстоит дело с ненасилием, которое может утвердить себя только в качестве морально обоснованной и сознательно выбранной позиции. Конечно, насильтвенное сопротивление несправедливости и насильтвенная борьба за свою правду тоже требуют внутренних усилий, но они по степени своей духовной и интеллектуальной насыщенности принципиально уступают тому внутреннему преображению, которое связано с этикой ненасилия.

Мораль и политика. То или иное решение вопроса об их соотношении зависит прежде всего от того, как понимать политику. Если видеть в ней технологию власти, разновидность управленческого механизма, то она вполне может обойтись без морали, во всяком случае, нуждается в ней не больше, чем любое другое профессиональное занятие. И совсем иное дело, если придавать политике экзистенциальный смысл, видеть в ней достойный строй жизни. Тогда она оказывается изначально и сама по себе морально нагруженной.

Священники освящают оружие, освящают войну и другие насильтственные акты государства. Для оправдания таких действий можно найти много "аргументов". Поступая так, они ведут себя как хорошие граждане. Единственное, что никак не укладывается в моей голове, – как они могут при этом считать себя христианами, последователями Иисуса Христа? Как, отталкиваясь от общей посылки ясных, лишенных какой-либо двусмыслиности утверждений: "не противьтесь злому", "прощайте врагов ваших", можно построить цепь

рассуждений, в конце которой будет вывод о том, что необходимо насилием противостоять злу и не падать врагов ?? В мосм понимании это – оскорбленис мысли.

Ю.В. Андропов сказал об СССР, что мы не знаем общества, в котором живем. Сегодня можно повторить: мы не знаем общества, в котором жили. Удивительное дело: никто и не хочет знать об этом. Ни те, кто ходит с красными знаменами и кричит, что это было замечательное общество и его надо восстановить. Ни тем более те, кто считает его кошмаром, который надо забыть. Может быть, в советском строе заключена тайна, до которой нельзя дотрагиваться. Как в древе познания. Может быть, и погибло это общество отчасти по той причине, что захотели узнать, чем оно на самом деле является?

Показательна судьба А.А. Зиновьева с его научной теорией советского коммунизма. Первоначально сказали, что он клевещет на советский строй, и он оказался в лагере его противников. Впоследствии стали говорить, что он за советский строй, и он оказался в лагере тех, кто стоит за его восстановление. Сам Зиновьев не уставал повторять, что он ни за, ни против. Что он – исследователь. Первым он говорил, что он – не диссидент и уничтожение советского коммунизма никогда не было его целью ни как ученого, ни как человека. Вторым он говорил, что не является марксистом и никогда им не был, и что победа советского коммунизма в холодной войне обернулась бы еще худшими последствиями, чем победа Запада. Но его не понимали ни те, ни другие. Они не понимали его, потому что они вообще не хотели понимать.

Может быть, и в самом деле существуют вещи, которых не следует касаться скальпелем познания?

Почему у Фемиды закрыты глаза? Означает ли это, что ей все равно, кто прав – истец или ответчик? Что она одинаково равнодушна к ним? Но в этом случае ей незачем было бы закрывать глаза. Разумное объяснение в другом: она неравнодушна и ей одинаково тяжело и больно судить, кто бы виноватым не оказался.

Газета “Россия” накануне нового 2001 г. задавала разным людям вопрос “Случись Вам встретить новый год с президентом, какой бы тост Вы провозгласили?” Среди прочих был бомж с площади трех вокзалов в Москве по имени Сеня. Он сказал: “Тост за то, чтобы Русь была жива”. Шутил ли бомж Сеня или говорил всерьез – кто скажет?

Люди дрессируют животных: кошек, медведей, даже тигров. Это, конечно, интересно. Прежде всего как зрелище, забава. Бывает полезно (у моего знакомого собака приносila его тапочки). Но здесь есть и скрытый моральный урок. Сообразительность и прочие адаптивные способности – то, что свойственно и животным, и что не выводит нас еще из животного состояния.

Аристократ как нравственно самодостаточное существо. Он утверждает себя в безусловности своего аристократического достоинства. Он знает, что сделан из чистого золота. Его, как говорил Ницше, узнают по осанке. Он не позволит себе опуститься ниже и не позволит никому возвыситься над собой. Для тех, кто ниже, у него есть плетка, для тех, кто хочет унизить его, у него есть шпага. Первых он прогоняет, со вторыми дерется. Так он оберегает свой аристократизм. Может быть, сама способность держать себя таким образом и есть признак аристократизма? Возможно, аристократизм умер, когда стали исключать его признаки помимо этого.

Человек глубинно одинок: один приходит в мир и один уходит из него. И в то же время он не может без других: физически он нуждается в пище, душевно – в утешении, духовно – в собеседнике. Ребенком он нуждается во взрослом, молодым человеком – в спутнице (спутнице). В старости ему нужна опека. Историю культуры можно истолковать как поиск оптимальных форм сочетания одиночества человека и его связности с другими. Перво-бытная стадность и современный индивидуализм – два полюса этого процесса. Философы сейчас много говорят о диалоге, коммуникации, о другом, другости и т.п. Может быть, все проще и решение проблемы зашифровано в нашем русском языке: слово *другой* является однокорневым со словом *друг*. Надо, чтобы другой стал другом.